

ПРОКЛАМАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРУЖКА КО ДНЮ ДВАДЦАТОЙ ГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Сообщение Е. Кушевой

До последнего времени были известны две прокламации, связанные с годовщиной смерти Н. А. Добролюбова: прокламация «17 ноября в Петербурге», изданная петербургским студенческим кружком через несколько дней после так называемой добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 г. и написанная, по указаниям мемуаристов, А. И. Ульяновым¹, и опубликованный недавно в «Красном Архиве» «Легучий листок» нижегородской социал-демократической организации от 7 декабря 1901 г., посвященный сороковой годовщине смерти Добролюбова².

Прокламация «Ко дню двадцатой годовщины смерти Добролюбова» воспроизводится по тексту, доставленному в редакцию «Литературного Наследства» Н. Н. Пенчковским и скопированному с напечатанного типографским способом подлинника, приложенного к неизданным запискам А. Д. Свербеева. В 1881 г. Свербеев был губернатором в Самаре, и он рассказывает в своих записках, как прокламация попала в его руки: она была распространена по почте в Самаре и по Самарской губ., при чем в городе ее получили, по словам Свербеева, все высшие чины, большинство чиновников и местная интеллигенция, а в губернии — большинство помещиков. В самой прокламации местом ее издания указан Харьков, но так как конверты, в которых она рассылалась, имели местный самарский штемпель, Свербеев высказывает предположение, что воззвание было напечатано в Самаре и что указание на Харьков дано в конспиративных целях³.

В нашем распоряжении нет никаких более точных сведений о прокламации ни мемуарного, ни архивного характера. Поэтому, говоря об ее происхождении, придется ограничиться лишь предположениями.

На содержании прокламации лежит отпечаток провинциализма. Эта же черта сказывается в том, что в ней неверно указана дата смерти Добролюбова — 14 ноября вместо 17-го⁴. Стоящая под текстом прокламации подпись «Кружок социалистов-революционеров» не встречается на других подпольных изданиях 1881 г. и скорее всего принадлежала какому-нибудь небольшому местному кружку. Мы затрудняемся определить, к какому из двух главных направлений начала 60-х годов — народовольческому или чернопередельческому («народническому») — примыкал этот кружок «социалистов-революционеров»: содержание прокламации не дает на это ясных указаний. Однако, то, что кружок не назвал себя кружком народовольцев, заставляет думать, что его члены официально, во всяком случае, не принадлежали к партии «Народная Воля».

Как указывалось выше, местом издания прокламации указан Харьков, но есть предположение, что она самарского происхождения. В начале 80-х годов Харьков был оживленным революционным центром, где к 1881 г. уже ясно опре-

делились оба направления — и «народническое» и народовольческое — и где действовали как приезжие крупные революционеры-профессионалы, так и местные силы, организуя кружки учащейся молодежи и рабочих. В 1883 г. народовольцы и «народники» обзавелись в Харькове своими подпольными типографиями. Сведений о существовании в Харькове типографии уже в 1881 г. нет, и мы не знаем харьковских печатных революционных изданий этого года. Но это не исключает, конечно, возможности напечатания прокламации в одной из харьковских легальных типографий по инициативе какого-либо из многочисленных в то время в Харькове революционных кружков.

Революционная жизнь Самары начала 80-х годов нам менее ясна, во всяком случае, она была значительно беднее, чем в Харькове. Нет сведений и о существовании в Самаре нелегальной типографии ни в 1881 г., ни вообще в 80-е годы. Но аресты и дознания 1881 г. указывают на существование в это время в Самаре революционного кружка среди местной интеллигенции, преимущественно среди учителей. С этим кружком молодежи был связан и находившийся в то время в ссылке в Самаре А. И. Маков, человек, по возрасту своему (род. ок. 1839 г.) принадлежавший к шестидесятникам и начавший свою революционную карьеру в 70-е годы, в московских землевольческих кружках. Во время дознания по делу Началова Маков был обыскан и по постановлению особого совещания от 28 ноября 1881 г. выслан на 5 лет в Тобольскую губернию⁵. Если прокламация действительно была напечатана в Самаре, то А. И. Маков мог быть инициатором ее издания: ему, как человеку, молодость которого прошла в 60-е годы, Добролюбов был, конечно, ближе, чем провинциальной самарской молодежи начала 80-х годов.

Прокламация говорит о революционной борьбе начала 1880-х годов, как о «протесте угнетенной массы», и о современных ей революционерах, как об «истинных учениках Добролюбова». Такое толкование конечно не соответствует действительности. Революционные выступления начала 1880-х годов особенно террористические, являлись выступлениями не народной массы, а интеллигентных революционеров-одиночек или групп, и были страшно далеки от той народной крестьянской революции, которую так ждал Добролюбов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Она напечатана в сборнике «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» М. — Л. 1927, стр. 355—357.

² «Красный Архив», 1936, II (75), стр. 163—164.

³ Эти, заимствованные из записок А. Д. Свербеева, сведения также сообщены редакции «Литературного Наследства» Н. Н. Пенчковским.

⁴ И это не опечатка. Фраза: «Да, Россия очевидно не помнит того, кто так много для нее трудился и сделал, потому что в день годовщины его безвременной смерти обнаруживает лишь рабскую готовность украсить свой дом позорными флагами в честь жены всероссийского деспота», показывает, что имелось в виду именно 14 ноября — день рождения Марии Федоровны.

⁵ «Обзоры важнейших дознаний за 1881 г.» и «Словарь деятелей революционного движения в России», тт. II и III.

КО ДНЮ ДВАДЦАТОЙ ГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ ДОБРОЛЮБОВА

Двадцать лет прошло со дня смерти Добролюбова; слова и мысли великого человека сделались достоянием огромного числа людей; имя стало популярнейшим в России.

Что же так мирно и бесшумно проходит перед нами 14-ое ноября, день двадцатой годовщины его смерти. Или Россия своего великого сына не хочет почтить празднеством его памяти? Или ученики его слишком малочисленны и слабы..?

Да, Россия очевидно не помнит того, кто так много для нее трудился и сделал, потому что в день годовщины его безвременной смерти обнаруживает лишь рабскую готовность украсить свои дома позорными флагами в честь жены всероссийского деспота.

Но что значит молчание учеников его? Ведь сильна и многочисленна группа людей около знамени, под которым стоял Добролюбов; или она была? Нет, не забыла, но не шумными овацями, не торжественными речами вспоминает его, а борьбой за заветнейшие мечты его и желания, и каждый день, ознаменованный этой борьбой, есть годовщина памяти Добролюбова.

Пусть ничто наружно не указывает на близость его к этой борьбе; пусть во время борьбы не произносится его имя, но все же она близка ему: она — его слово, воплотившееся в дело, она триумф его учения, потому что для учения, признававшего «лучом света в темном царстве» протест угнетенной личности, протест угнетенной массы — триумф! Добролюбов любил свободу и боролся за нее; ему был дорог темный, обездоленный люд, и всю жизнь он был его ходатаем. Поэтому всякий борец за народ и свободу — истинный ученик Добролюбова; поэтому каждый час борьбы посвящается его памяти.

Но не ученик Добролюбова тот, кто, разделяя его взгляды, в точности изучивши его мысль, не проводит в жизнь его учение не выступает активным борцом. Такой человек чужд Добролюбову, как чужд христу какой-нибудь начетчик св. писания и евангелия. Не ученик Добролюбова тот, кто, видя всю бездну безобразий и подлостей, совершаемых правительством, молча подчиняется им и апатично несет свое верноподданническое ярмо. Такой человек враг Добролюбову, как враг христу поп, благословляющий прихожан быть братоубийцами. Бывают в истории моменты, когда молчать не позволительно, когда пассивное отношение к прогрессу столь же преступно, как и враждебное. Россия переживает подобный момент.

Правительство, соединяясь со всеми хищниками и лиходеями земли русской, среди бела дня грабит рабочий народ, одной рукой отнимая у него последние крохи, другой — закрывая правду и свет от его глаз. На голову лучшей части интеллигенции, не индифферентно относящейся к такому наглomu попранию человеческих прав, сыпятся сплошные удары взбешенной животной силы.

Положение народа ужасное. Несмотря на татарскую цензуру, — вопли и стоны голодных, ободранных масс постоянно проникают в печать. Кругом недовольство и страдание. В такую ли минуту могут бездействовать люди, желающие всеобщего благосостояния. В такую ли минуту могут они удовлетворяться только повторением прекрасных слов великого учителя.

Нет, не таковы друзья и ученики Добролюбова, потому что не таков сам Добролюбов! Не в этой области филистерства и трусости, крайнего эгоизма и мелочного самолюбия жив дух Добролюбова: тут живы только его фразы. — Духа ищите там, где постоянно кипит борьба за народ, гибельная для бойцов, но спасительная для учения, где много отваги и смелости, но еще более любви к ближнему и искренности; там среди этих самоотверженных бойцов жив дух людей, подобных Добролюбову, свята их память, велико уважение; там их истинные друзья и последователи. И эти бойцы за народ спасут этот дух от забвения и смерти и чистым передадут его вместе с незапятнанными именами павших во имя его бойцов свободным людям будущей свободной России, как драгоценнейшее сокровище, как залог свободы, равенства и братства.